

Обобщение рассмотренного

Продвигаясь в своих рассуждениях, от обобщений к частностям, вновь и вновь концентрируемся на общем, держим его в уме, и движемся далее, последовательно рассматривая ярусы изображений Преображенской церкви на Ильине. Так принято в сложившейся традиции рассмотрения и упорядоченно изложено в обширной литературе об этих фресках: живопись прослеживается по отдельным ярусам, увязываясь в некий структурированный, логически осознаваемый образный концепт... и мы не устрояемся от этого подхода даже при всём несогласии с ним. Живописные композиционные ярусы ярко выражены, смыслы их достаточно внятно артикулировано, чинопоследовательны, органичны, выделены и должны быть рассмотрены каждый сам по себе. Но не позволим себе этого рассмотрения вне видения совокупности и смыслового единения изображений, вне удержания в нашем восприятии единого иконного целого, воспринимаемого нами, как некая система, программа устроения живописного объёма, составляющего целостный пространственный образ, обретающий своё истинное значение и смысл лишь только в литургическом действии, как неотменимом животворящем наполнении архитектурно-живописного образа. Вне литургии, будучи выхолощен от Богослужения, от живого пресуществляющегося Христа и от Церкви воспринимающей Бога – вне всего этого наполнения – иссыкает и гибнет в неполноценности, в недостаточности – самый духоносный образ, не способный извести Дух из себя самого, вне тайнодействия. Так, рассматривая нюансы изображений, мы неизменно осознаём, что композиционные ярусы не написаны сами по себе, не замкнуты внутри себя в некоей герметичной отъединённой от литургии и самостоятельной логике ярусного устроения, но составляют это общее, неразрывное, нераздельное целостное пространство объёмного символа храма, символа, наполненного до краёв с преизбытком живущего и в утратах – содержит собою таинство Бога, действительно являющего Себя. Образное пространство не делимо на отдельные составляющие ни по вертикали, ни по горизонтали подкупольного креста, но про-являет общий гармоничный смысловой объём вместительного образа, о котором мы и усиливаемся рассудить прежде, чем начинаем говорить о его отдельных составных частях, к этому обобщённому смыслу – Логосу - Христу в образном объёме мы возвращаемся вновь и вновь после рассмотрения его частностей. Уразумение общего, обобщение образа, на наш взгляд, должно предшествовать и доминировать над всяческой аналитикой – над смысловым расчленением, над усвоением по частям. Общему же - должно завершить рассмотрение частностей. Рассуждая так, мы вынужденно повторяемся, вновь и вновь возвращаемся к тому, что проговорено уже и неоднократно... И да простит в том воображаемый читатель наш. Эти наши возвращения к высказанному представляются неизбежными от того лишь, что мы рассуждаем о живописи, как о живом объёмном организме, оживотворяемом Христом... словно бы врач, рассуждающий о состоянии отдельного органа – вынужден был бы возвращаться непрерывно к органам соседствующим, взаимосвязанным, взаимно-обуславливающим. Если эта аналогия как-либо уместна – допустим её себе. Врач, исследующий человека, диагностирующий его, имеет в виду общее состояние и рассуждая, например, о почках, вынужден помышлять о кровеносной системе, о сердце, крови. А рассуждая о нервах – возвращаться к сердцу, крови, питанию, желудку... И лишь затем – составляет некие суждения об общем состоянии человека. Физиологична и груба допущенная аналогия...

Но коль паче, тоньше, сложнее, - цель и задача в наших усилиях к усвоению духовных смыслов живописного пространства образа Господнего. Вот и неизбежны повторения, возвращения к уже произнесённому, - надеемся, что они способствуют к лучшему уразумению того, о чём пытаемся высказаться... Прежде всего, к уразумению мною самим.

Но вновь отвлечёмся несколько в сторону - в области частные, к размышлению о личности автора живописи – Феофана. Пусть это будет здесь неким отступлением в сторону от общей логической канвы суждений – к завершению этого очерка. Избранный жанр – рассуждение - позволяет нам сделать это, не нарушая приличий научности искусствоведческого канона. Сложно теперь нам пробираться к тому, что для Феофана было естественным, обычным. Приближаясь к этой живописи, переживаешь ощущение того, будто наше естество чувственное, духовное, да и физическое – несравненно, необычайно, невозможно – удалено от человеческого естества времён Феофана, что непередаваемо и необратимо - изменился человек за эти, без малого, шесть с половиной столетий от возникновения рассматриваемой живописи. Понимаем, что ощущение это, весьма вероятно, ложно, что удаление во времени, быть может, не столь уж велико и всегда относительно, воспринимается неизменно субъективно. Понимаем и относительность самого термина «древность» - относительность его восприятия, как некоего при-говора к невозможности живого со-общения с ушедшим в древность и утрачившим актуальность для нас... Но может ли образ со временем – растратить свою «образность», может ли захлопнуться путеводящая дверь символа, воз-водящего из текущего времени во вне-временное бытие. Утрачена ли живая наполненность образа и не иссякла ли наша жажда впитать его Содержимое, уразуметь, вос-принять, приблизиться к образу, пусть и к образу, отошедшему в «былое»... «древнее». И уже ли «былое» может избыть живое существование для нас... лишь утратив Бога Живого – может. Но отчего же так сложно проникнуть, прикинуть к тому, что для мастера XIV века было естественным, к тому, что, как видится, было вполне органичным, быть может даже лежащим на поверхности к восприятию, не превращаясь в поверхностное, для его современников. Ужели образные глубины были вполне раскрыты к проникновению в них, не завалены завалами нашей дикости, нашего греховного неразумия. Нельзя ведь и помыслить того, что произведения Феофана были не понятны никому, кроме него самого, что в духе современного веку художественного "постмодерна", допускалось непонимание произведений и самим автором... пророчествующим в живописи вне понимания того, о чём... Да ведь не об одном только понимании речь в наших размышлениях об образе и о во-ображаемом нами взаимном отношении образа и народа Божьего сотни лет тому. Иконописные произведения должны были найти и находили безусловную поддержку, созвучие, согласие с пониманием, эстетическим вкусом, нравами и духовным опытом окружающего... и литургисающего внутри образа церковного народа. Более того "единомыслием исповемы... едиными усты..." в единстве Тела Христова - не есть никак одни лишь устоявшиеся фигуры речи, формы выверенного красного слова за Богослужением... - но факт выражения чаемого и осознаваемого, опытно проживаемого... и, веруем, - существующего единения во Христе - ликов человеческих, личного соединения, соборности в Боге нашем... в личном и общем восприятии Христа, неотрывного ни от личности, ни от собора Церкви. Народ должен был тогда, как и желанно бы сей час -

соборно и "единоустно, единосердечно" молитвенно о Господе принять эту живопись, как согласную, сообразную с литургическим соборным деланием, как соответствующую живому духовному устроению церкви, течению литургии. Законы этого согласия, сообразия живописи со всеобщим соборным духовным приятием и разумением, представляется, живы в церкви и до сих пор. Пусть и при растроченном навыке к восприятию образа и к образотворению. Образ по своей сути - должен быть таким, чтобы вблизи него можно было молиться соборно. Попробуй-ка и теперь, в пору растрат и утрат преемственности, создать в храме нечто, что не будет принято молящимся людом. Проблема здесь видится, скорее не в самом образе, но в действительном "единосердечности и в единении уст", рассыпанном на части, на уединённые монады, единые лишь в литургическом произнесении молений... чего, быть может и не ведал Новгород XIV века, как знать нам теперь... Тем более впору бы помышлять о соборном восприятии в Новгороде Великом, глубоко усвоившим соборность и, пусть вечное, но действенное до кровопролития на мосту единомыслие. Вспомним об избрании народом епископов, призвании да изгнании князей, общем решении о войнах и мире... о мелочах и законах общежитийных. Могла ли быть принята такая «малость», как живопись в устроении храма, не соответствуя общему молитвенному настрою, состоянию и разумению. Быть может, отсюда и сама возможность трагедии – допущения и сознательного - уничтожения этих фресок православным народом через несколько столетий (десятилетий?) после их написания. Людьми – образами Божьими, не ведающим ни того, что творят они, ни и того, что сотворено до них. Течением времени, потоками его мутнеющими – выхолостилась ли, переменилась ли духовная природа соборности и общего осознания, расточилась ли, иссякла ли насущнейшая потребность общего, избранного совместно, обще – принятого и вмещённого соборно... литургического постижения образных глубин? Уже ли необратимо - угасла некая естественная свойственность, неизлечимо - изболелся сердечный орган, духовное чувствилище, невозвратно, неисцельно извратился духовный вкус, навывший к чуждому? Но факт непреложен: факт утраты единосердечия при прогваривании, про-возглашении его, утраты и живой, живо-трепещущей, звонко отзывчивой – связи с образом. Вот и возможно стало зубилом – сколачивать со стены это чуждое, от-чуждённое, непонятное, «не моё», не имеющее лично ко мне отношения – состарившееся, обветшалое изображение «Неведомого Бога». Возможно стало убить, погубить чужой, «не-мой» образ, чтобы на месте его образовать что-то понятное, внятное, близкое, соответствующее новой наполненности или пзисяющей пустоте выметенного дома... например, синий фон с золотыми звездами - в куполе поверх пронзительного Пантократора, ставшего пугающе страшным, отстранённым, неприятным, ненужным, мешающим здесь, за «нашей», по сердцу падшему - литургией... Как тут вновь не вспомнить о чуде откровения сокрытого образа в момент кровавого истязания и погубления нашей Родины, в момент, возможно не имеющий более в истории примера столь полного уничтожения, уничтожения православной страны, перековки и переплавки массового народного самосознания, выкорчёвывания традиционной точки воззрения на мир Божий и мир тварный в нём. Момент восхождения Святой Руси на свой крест. Со креста – внезапно, не-чаянно, или паче – сверх всяческих чаяний и ожиданий, как чудесное про-явление славы Господней - открылся взор на поруганный образ. Или так Господь - вновь утешительно приоткрыл

образ Свой и приотворил наши неведующие веждыявив Себя. 1918-й – начало открытия этих фресок. Предреволюционный период и сама революция – переворот и превращение страны таинственно сопровождается открытием фресок храма Преображения... Время тектонического перелома в истории и возможно великого унижения нашего Отечества, поругания Православия – символически о-знаменовано возможно ярким, внезапным и полно-ценным откровением образа Божьего. Внутри растерзанной, поруганной церкви – открывается непоругаемый Господь в образе Своём – из XIV века, из пред-куликовской полноты, силы - в торжествующей, спасительной, спасающей и тайно-водящей, тайно-образующей красоте.

Отчего же теперь так тяжело – даже и рассуждать об этом. Откровенный образ теперь буквально раздирает некую завесу непроницаемых чувств, усопшего самоосознавания, не вмещающего образной глубины, высоты, животворной наполненности символа. нынешнее естество настойчиво и привычно – противится образному восприятию, отгораживается от символа, как посредника и пособника, как спутника наших деятельных молитв. Не вынести пред откровенным и вместительным образом собственного ему противления, собственного пугающегося сознания, падшего естества, падкого на пустое, готового буквально распластаться пред этим Пантократором, пролепетать из себя вслед за апостолом Петром единственно возможное здесь: Господи, хорошо нам здесь быть – пред Тобой!.. и стенать пред открывающимся образом о невосприимчивости своей перед ним, откровенным... об отчуждённом безразличии – нам, здесь и сейчас пред Тобой, открывшем-Себя, нам, удалённым и нечувственным – хорошо. Но кратки и почти неуловимы вспышки, проблески нашего самосознания перед образом... вспоминая о них – усомнишься в их действительности из заскорузлых глубин греха, берущего только своё. Для времени Феофана, как представляется, было бы естественным – молиться пред Богом лицом к лицу, лицом - к лику в столь напряжённом окружении, в сопровождении ко Христу духовно проницаемыми образами. Это требовало бы естественного и унаследованного – преемственного навыкания к близости Лика Господнего, в хождении перед Ним, - как если бы доводилось за воскресными литургиями молиться на Фаворе – восходя всякий раз на гору Преображения непосредственно за Христом – и в крайнем истончении символа через прозрачную, проникновенную завесу его - видеть это раскрывающееся Божественное естество. На каждый праздник, на каждую рядовую литургию, вечернюю, литию... - видеть Бога, как Он есть перед нами, осознавать, воспринимать, уведывать приникая и приобщаясь к Уведываемому. Это концентрированное духовное напряжение, эта полнота восприятия откровенного образа – и были, как видится, естественным состоянием народа Божьего, естеством – свойством, практически не достигаемым теперь... но не достижимым ли? О чём же – свидетельствует нам эта открывающаяся перед нами живопись? – о чём ином, если не о некоем ином – естественном - состоянии человеческой природы, о состоянии народа Божьего, как Церкви Христовой, о состоянии уже ли практически невозможном теперь... Быть может, о некоем естественном, но потаённом в глубинах нашего естества - свойстве духовного восприятия человеком Бога, состоянии, сложно переносимом и на короткое время нашей нынешней расслабленной природой, огреховленной и оскоплённой грехом, совершенно непривычной и ненаученной духовному ведению. Теперь и кратчайший миг откровения образа сопоставим с мигом преевечного Бога, открывшегося

на горе Фавор. Сколько длилось ведение апостолами света одежд Христа и просиявшего Его лика, видение и слышание ими собеседование Господа с Илиёй и Моисеем? Сколько длилось это переживание? Миг - мгновение ока? – столь малого отрезка времени естественного мигания человеческих глаз было достаточно для запечатления, впечатления апостолов совершившимся со-бытием миров, для откровения их везд к воз-ведению их мысли, к евангельскому восклицанию: «устроим здесь кущи... хорошо нам здесь быть...!», - было достаточным для абсолютного глубокого запечатления апостолов новым увиденным и воспринятым знанием, запечатления их душ и опаления увиденным их сердец, всего их естества, быть может, вплоть до изменения их природы, познавшей, увидевшей и уведавшей Истинного Бога. Запечатление увиденным и уведанным - усвоение человека Богу через воспринятое человеком ведение о Божественной сущности Христа, проявленной в непреступном свете, в откровенном образе Господнем. Как знать, - фантазируем ли здесь, домысливаем недомысливаемое, - как знать, будь этот же образ открыт апостолам на более продолжительное время, достало бы сил ученикам Христа понести открывшееся ведение... По силам человеческого восприятия Господь открывает Себя... По немощи человека – Бог удеживает от нас проявление Своё... оставляя к постижению символ, дарованный Им же.

Сколь высока, сколь величественно, приближена ко Господу в своей величавости духовная зрелость православной Руси XIV века в духовном со-стоянии, со-зерцании, взаимном откровенном проникновении с непреступным и непознаваемым Богом, в пред-стоянии перед Ним, в со-отношении, в со-бытии с Его откровенностью и непреступностью... Зрелый пред Господом плод Руси разобщённой, угнетённой, униженной ордой – мог тогда милостью Господней понести в рядовом Богослужении столь могучий образ откровения Бога о Себе. Нынче – изрядно - увял, усоп этот духовный плод и ничто бы не говорило нам, не уверяло, не обнадёживало нас о его пробуждении... ничто, кроме образа, внезапно открывающегося и вызывающего перед нами из былого могучего, духовно полномощного - прошлого, кроме образа, проявляющегося к нашей остаточной неведомой и затаённой чуткости, восприимчивости к нему... хотя бы и в живом, неосознаваемом но несомненно существующем – неизбежном интересе к образу... в отзывчивости ему наших собственных сокровенных и неизъяснимых, непознанных глубин. Нам, нынешним, изнеженным плотью, огрубевшим, одевшим и расслабленным душой, духовно острупленным - и не вместить былого ведения, и не понести образной полноты, в которой - откровенен Бог. И отдалённым нам не осознать не вместить... не вкусить духовной насыщенности от образа, не вместить вложенных смыслов, раскрываемых единственно – Богооткровением... даже и предстоя перед оставшимися крупичками былого живописного велико-лепия – не вместить и не приблизиться нынешним нам... говорю здесь, конечно же, преимущественно о себе самом. Но с верою – приступаем к образу... понимая вполне, что ни воспринять, ни осознать нам в образе практически ничего, не проникнув, не вникнув всюю своей человечностью в открывающиеся образные глубины - к Первообразию – своему, к личному Богообразию в себе. Но и в самом неведении, под гнётом личного неведения и удаления от Христа - утешимся острословно: чем тяжелее гнёт, даже и гнёт неведения, тем изобильнее елей источаемый, нежданный, милостью Божией - елей, чудесно истекающий из иссушенных

глубин оживающего и вопиющего нашего существа. Так, видим ли, приступившие дерзновенно, - принимаем ли, как свою творческую задачу – через личное уяснение – «актуализировать» для себя – символ... оживляя милостию Господней в себе восприимчивость и восприятие иконы, обнадёживаясь близостью и благосклонностью Господа - моего, из тишины Своей из недомысливаемого молчания - взирающего на наши труды...

